

Ж. Гуглиельми*

МЕСТО И РОЛЬ ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ ФРАНЦИИ

Одна из наиболее опасных ошибок, с которыми можно столкнуться при сравнении права, — это, несомненно, реально существующий партикуляризм объектов сравнения. В итоге, когда происходит углубление научного изучения объекта, он склонен становиться «все более и более неповторимым». Обратный ход, дистанцирование, отказ от детального рассмотрения, безусловно, более подходят для поиска общего знаменателя и выступают точками преломления, которые делают эти два объекта радикально противоположными.

В этом отношении юридическое понятие публичной службы во французском праве представляет собой подходящий объект для безнадежных выводов: сложность, связанная с историей и французским обществом, партикуляризм, единичность. Можно почти утверждать, что любая попытка провести сравнение юридического понятия публичной службы заканчивается еще в начале, на входе в храм сравнения, когда нужно сформулировать ее определение.

Откуда идет этот явный фатализм, который долгое время обрекал на критику теоретиков права французское понятие публичной службы? Отсутствие определения, дискреционные полномочия по признанию таковой, частичное включение критериев и применения в политическую сферу, французское культурное исключение — в чем только не упрекали юридическое понятие публичной службы!

Тем не менее изучение административного права и судебной практики подтверждает верность этих замечаний, хотя само юридическое понятие публичной службы все равно было принято, будучи признанным несовершенно и главным образом неподходящим для того, чтобы стать моделью для других правовых систем. Конкретные достижения публичной

службы и навыки лиц, ее представляющих, зачастую охотно перенимались за рубежом.

В наши дни, более чем когда-либо, публичная служба является одним из основных юридических инструментов вмешательства публичных властей во Франции. Она с неизменным постоянством присутствует в судебной практике, причем в начале XXI в. эта тенденция только усиливается (так, в 2013 г. это выражение встречалось в 375 постановлениях Государственного совета, из которых опубликовано 89). Об этом свидетельствуют три весомых факта. Во-первых, два из наиболее крупных постановлений за последние десятилетия, вынесенные Государственным советом в обновление своей классической доктрины, относятся к публичной службе (CE, 2007 APREI и CE, 2007, Commune d'Aix-en-Provence). В праве Европейского Союза понятие публичной службы было воспринято Договорами, начиная с Римского договора 1957 г. и заканчивая TUE (Договором о Европейском Союзе), благодаря категории «служба общего экономического интереса» (SIEG), которая берет от него свое начало, вместе с дополнениями, вытекающими из всеобщей службы в либерализованных секторах. Оно было признано Амстердамским договором как общая ценность Союза и в этом качестве подтверждено Хартией основных прав Европейского Союза. Кроме того, в практике Суда справедливости ЕС можно найти следы этой концептуальной и юридической интеграции, обратившись к постановлениям Corbeau (1993) и Commune d'Almelo (1994). Наконец, публичная служба в своей юридической форме и главным образом в практическом воплощении присутствует повсеместно благодаря самым современным формам организации администрации, а также в контексте политических решений, направленных на сохране-

© Гуглиельми Ж, 2016

* Гуглиельми Жиль, профессор Университета Пантеон-Ассас (Париж-II)

ние присутствия государства и социально-политических связей в сложных географических районах. Исполнение налоговых обязательств с использованием Интернета, получение исчерпывающих сведений об административных процедурах, открытие и размещение публичных данных (Open Data), перевод на электронную основу публичных закупок, дистанционное обучение в CNED или MOOC, отслеживание досье в системе социального обеспечения и, конечно же, Публичная служба распространения юридической информации, которые выполняют роль платформы для служб в сельской среде и удаленных городских кварталах, индивидуальная помощь, присмотр за детьми и школьный транспорт — всё это публичные службы.

Следовательно, нужно одновременно объяснить этот очевидный парадокс и релятивизировать партикуляризм французского юридического понятия публичной службы. Это — лейтмотив названия данной статьи, в которой публичная служба рассматривается во взаимосвязи с французским административным правом, чтобы подчеркнуть, что, вне всяких сомнений, в этом и состоит главное объяснение того центрального места, которое отведено административному праву во французской правовой системе. Вместе с тем представляется, что оно не оканчивается на теории права и теории публичного права. Его реальная основа зиждется на французском органическом партикуляризме, который дал, с одной стороны, Государственному совету и независимому судебному корпусу непревзойденную унифицирующую власть, а, с другой стороны, различным лицам публичного права — широкие полномочия и возможность проявлять инициативу по вопросам организации и функционирования публичных служб. При этом не следует забывать, что понятие публичной службы и выступает основой для финансирования (с помощью налога) публичным коллективом тех видов деятельности, которые, как считает публичная власть, по определению действующая в общем интересе, без ее решительного вмешательства не обеспечиваются или обеспечиваются плохо и которые необходимы для достижения социального оптимума в данный момент времени. Идя по второму пути, можно уяснить, что место и роль публичной службы являются центральными в выполнении миссии, возложенной на правительство в целом.

I. ОСОБАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПОНЯТИЕМ ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОМ

Первая особенность понятия публичной службы во Франции — это то, что оно было задумано прежде всего как юридическое понятие. И в него вложено особое значение.

Понятие публичной службы появилось в результате того, что мы сегодня называем изменением направлений публичной политики, осуществляемой в интересах населения (*évolution des politiques publiques*). В самом деле, вмешательство публичной власти после Революции 1830 г. ознаменовано реализацией масштабных работ, в которых государство обеспечивало занятость привлеченного в города населения: речь идет о политике национальных мастерских (дороги, фабричная продукция), одобренной Второй республикой. В этом нет ничего нового по сравнению с кольбертизмом, за исключением желания предоставить работу сформировавшимся социальным классам. Вторая империя, в свою очередь, продолжила это дело, привлекая в большей мере частный капитал с целью оснащения Франции инфраструктурой (вода, железные дороги, газ). Но в реальности качественный скачок вмешательства публичной власти произошел после укрепления Третьей республики в 1880-е гг. Муниципальный закон 1884 г. возложил с этой целью на коммуны — местные коллективы, весьма укоренившиеся на протяжении века в социальной и политической жизни, — полномочия юридического характера, которые позволяли им совершенствовать, координировать и регулировать местную экономическую жизнь.

Интервенционизм, основывающийся на потребностях местного населения, стал общей чертой всех коммун Франции. Иными словами, впервые публичное вмешательство осуществлялось в рамках логики предоставления благ, причем само предоставление выбиралось и определялось их получателями.

Эта катализация, постепенно помогавшая сформировать понятие публичной службы, совпала с автономизацией административной юрисдикции. Начиная с 1860-х гг. Государственный совет рассматривает жалобы на превышение власти (*recours pour excès de pouvoir*) в соответствии с собственным регламентом. В 1872 г. за ним были признаны полномочия по отправлению «делегирован-

ного» правосудия¹. В 1889 г., благодаря постановлению Cadot, он согласился рассматривать юридические акты административных органов государства (с 1901 г. — и территориальных коллективов) непосредственно, без обращения к соответствующему министру². С этого времени юридическое понятие публичной службы получает теоретическую разработку, так как именно она лежала в основе многих актов, ставших предметом судебного спора. При этом, если говорить о публичной службе в реальности, то речь шла о публичных службах на местном уровне, поскольку в стратегическом плане для Третьей республики основной задачей было покрытие инфраструктурой всей территории. Впрочем, сами коммуны оказывали поддержку национальным публичным службам, обеспечиваемым в каждом округе, путем создания факультативных публичных служб³ в 1880–1905 гг.

Следовательно, можно говорить о понятии, современном XX в., корреспондирующем особой экспансии местного публичного интервенционизма. Однако начиная с 1901 г. теоретики права сумели придать ему такое значение, которое имело мало общего с реальной деятельностью публичной службы. Иными словами, понятие стало более масштабным, чем реальные вещи.

Понять причину этого довольно просто, если оглянуться назад. С одной стороны, публичная служба позволяла сохранять единство конституционного и административного права в эпоху, когда эти два предмета уже начинают препо-

даваться отдельно, а в конституционных законах не содержалось декларации прав человека. С другой стороны и главным образом — публичная служба стала одновременно и предметом судебных споров, и понятием, позволившим Государственному совету отстаивать существование автономной административной юрисдикции, дуализм судебной власти, ставший одной из наиболее специфических французских черт.

Реальность, в которой существовало это юридическое понятие, была совершенно другой, оно служило совершенно другим целям в тот период. Следует подчеркнуть, что в 1900–1930-х гг. судебная практика и доктрина пытались придать понятию публичной службы практически всеобъемлющее значение для описания административного права в целом. Иными словами, публичная служба представлялась как критерий применения административного права. Его наличие автоматически означало признание компетенции административного судьи в случае возникновения спора; в остальном — применение режима административного права к его функционированию и его органам. Даже у Ориу в труде «Административное управление» (1899) акт или действие лица публичного права является или не является актом или действием, имеющим «административный» характер (споры по ним, естественным образом, не входят в компетенцию обычного судьи), в зависимости от того, имеет он или не имеет в качестве цели «управление публичной службой».

¹ До 1870 г. Государственный совет формально функционировал как совещательный орган при главе государства, который официально выполнял в том числе роль высшего судьи по административным спорам. Поэтому решения, вынесенные отделением по разрешению споров Госсовета, носили консультативный характер и требовали утверждения главой государства для вступления в силу (что в большинстве случаев было формальностью), то есть Госсовет отправлял т.н. «удерживаемое» правосудие (*justice retenue*). Закон от 24 мая 1872 г. предусматривал, что Государственный совет выносит решения по судебным спорам «по своему усмотрению», без какого-либо участия в их подписании и исполнении органов исполнительной власти. — *Прим. пер.*

² Ранее, в силу революционных установлений, применялась теория «министра-судьи», согласно которой споры с администрацией были изъяты из компетенции общих судов и должны были рассматриваться главами соответствующих администраций — министрами. После создания в 1799 г. Госсовета как высшей административной юрисдикции со специальной компетенцией в постановлении Cadot Госсовет занял противоположную позицию, указав, что является административной юрисдикцией в первой инстанции, если нормативными актами не предусматривается иное. — *Прим. пер.*

³ В постановлении Casanova Государственного совета от 1901 г. говорится, что создание факультативной публичной службы в территориальном коллективе возможно только в случае, если это обусловлено исключительными обстоятельствами. Но исключения были весьма многочисленны. В дальнейшем это постановление было смягчено постановлением 1930 г. — *Chambre de Commerce de Nevers*, где сказано, что для этого достаточно особых обстоятельств, связанных со временем и местом.

В «крупных постановлениях» первого десятилетия XX в. — Terrier (1903), Feutry (1908) и Théron (1910) — понятие публичной службы используется в качестве критерия разграничения компетенции судов по рассмотрению споров, позволяющего унифицировать судебную деятельность государства и других лиц публичного права. В Государственном совете правительственные комиссары Жан Ромье, Жорж Тесье и Жорж Пиша были наиболее рьяными защитниками публичной службы и идеи о том, что разрешение споров, касающихся публичных служб, требует применения специального права. Кроме того, под влиянием этого направления в судебной практике такие теоретики права, как Дюги и Жез, экстраполируя, стали видеть в публичной службе краеугольный камень административного права в целом.

Это видение, наиболее сильно проявившееся в 1900–1920 гг., вскоре стало отрицаться при изменении подходов в судебной практике. В постановлении от 23 декабря 1921 г. Société générale d'Armement Государственный совет, квалифицируя «публичные службы промышленного характера», воспринял противоположный подход, признав, что экономическая деятельность, осуществляемая лицом публичного права в обычных условиях частного права, может называться публичной службой. Трибунал по конфликтам присоединился к этой точке зрения только спустя десятилетие, что запутало ситуацию (ТС, 11 juill. 1933, Dame Mélinette). Публичная служба, если она носит промышленный или коммерческий характер, более не является эксклюзивным критерием ни для установления компетенции судьи, ни для определения применимого права.

Следующий шаг был сделан в 1935–1946 гг., когда в судебной практике еще отчетливее была проведена черта между деятельностью публичной службы и публичной природой тех, кто ее осуществляет: понятие публичной службы было распространено на лица частного права. Административный судья признал сначала по умолчанию, а затем и открыто существование частных лиц, «ответственных за исполнение публичной службы» (постановления Vézia 1935 г. и Aide et protection 1938 г.). В дальнейшем в постановлениях Monpeurt и Bouguen (соответственно 1942 и 1943 гг.) административный судья сделал из этого вывод о том, что регламентарные или индивидуальные решения, которые принимаются организацией (даже частного права) при исполнении возло-

женной на нее публичной службы, являются административными актами и, следовательно, подпадают под компетенцию административной юрисдикции. В постановлении Mogand 1946 г. открыто утверждалось: публичные службы, управляемые частными лицами, также могут носить административный характер, что разрешает им издавать административные акты. Таким образом, хотя публичная служба как понятие не может служить критерием для обозначения компетенции административной юрисдикции, однако за счет стирания границ самого понятия, которое становится в основном функциональным и теряет свой органический аспект, а также за счет утраты связи между компетенцией административной юрисдикции и применением административного права к делу в остальной деятельности этих лиц продолжает регулироваться частным правом.

Таким образом, юридическое понятие публичной службы пополнило коллекцию юридических премудростей. И по сей день, хотя оно и перестало быть единственным инструментом для этого, оно в случае более сложных условий позволяет выявить административный акт, компетенцию административного судьи, применение административного права по существу правоотношения. Основной вопрос, следовательно, заключается в определении деятельности публичной службы, т.е. публичной службы в функциональном смысле.

Для того чтобы судья мог квалифицировать какую-либо деятельность в качестве публичной службы, нужно, с одной стороны, чтобы она удовлетворяла потребность общего интереса, с другой — существовала юридическая близость к лицу публичного права, надлежащим образом уполномоченного или даже ответственного за деятельность службы. В случае когда эта связь не является непосредственной, материализованной односторонним актом или договором, нужно, чтобы она отвечала набору условий, указанных в постановлении Association du personnel relevant des établissements pour inadaptés от 22 февраля 2007 г. К ним относятся статус осуществляемой деятельности, условия ее возникновения, способ определения руководителей, используемые нормы права и условия контроля или надзора со стороны лица публичного права.

Судья может склониться в пользу административного либо промышленного или коммерческого характера службы. Прибегать к определению квалификации судья имеет право

в случае, если она не следует из акта, имеющего силу закона. Она зиждется на совокупности критериев: предмет службы, источник ее материальной базы, условия функционирования. Но этим роль и место публичной службы не исчерпываются. Она остается главным ориентиром публичной деятельности в той мере, в какой она возвышает саму функцию руководителей.

II. НЕОБХОДИМАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПОНЯТИЯМИ ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ И ФУНКЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Леон Дюги (1856–1928) определял публичную службу в тот период времени как «любую деятельность, осуществление которой должно обеспечиваться, регулироваться, контролироваться руководителями (*gouvernants*), потому что осуществление такой деятельности является необходимым для реализации и развития социальных взаимосвязей, причем сам ее характер таков, что она не может быть осуществлена в полной мере без вмешательства правительственной силы». Достоинство этого определения состоит в том, что оно хотя и не снимает все проблемы выявления и квалификации, определяет главную линию, смысл существования самого понятия. С тех пор как человек сотворил общество, считается, что некоторые виды деятельности должны осуществляться сообща. А после того, как в силу политического фактора в обществе появились институты, как в античной Греции, а потом и государство, они стали осуществляться этими институтами. Материальная основа публичных служб стара как мир: заботы о санитарии, безопасности, помощи слабым являются коллективными в силу естественной потребности в них.

Демократический пакт, начиная с Революции 1789 г., обязывает руководителей следить за созданием, функционированием и контролем над всеми видами деятельности, которые, будучи задействованы в социальной взаимосвязи, не могут быть обеспечены составными частями общества — будь то граждане, предприятия, сообщества и другие социальные корпорации. Следовательно, руководители в своей деятельности находятся в определенных рамках и следуют принципам, непосредственно исходящим из юридического понятия публичной службы и ее ценностей. Можно следующим образом попытаться охарактеризовать пять аспектов, описывающих место и роль пу-

бличной службы применительно к публичной деятельности. При этом нужно иметь в виду, что вследствие существа и правового режима понятия публичной службы руководители находятся в ситуации, когда их контролируют или они не свободны в своих действиях.

Во-первых, понятие публичной службы занимает центральное место во французском административном праве и, говоря более широко, в публичном праве. Оно выступает одним из основных средств, обеспечивающих гражданам гарантии их прав и основных свобод. Юридическое понятие публичной службы служит гарантией того, что принадлежащие им права и свободы не останутся на бумаге, найдут конкретное воплощение в жизни. В этом отношении оно представляет собой реальное средство, позволяющее заставить руководителей действовать в соответствии с духом основных прав, в частности экономических и социальных. В судебных спорах на это основание опираются различные категории заявителей — будь то пользователи или персонал. Разумеется, коллективная и социальная природа рассматриваемой деятельности придает этим спорам политическую окраску, ограничить которую и позволяет право. Одно из ее наиболее заметных воплощений, поскольку оно не зависит от содержания службы, — это то, что правовой режим деятельности публичной службы весьма значительно защищает пользователя и делает возможным непосредственное и недорогое обжалование в суде. Данный правовой режим, выявленный благодаря синтезу Луи Ролланом из судебной практики в сфере административного права (*jurisprudence administrative*), состоит из трех правил функционирования публичной службы: равенство, непрерывность, адаптивность к новым условиям. Лицо, отвечающее за службу, обязано их соблюдать.

Во-вторых, публичная служба играет особую роль в реализации гражданского долга. Это следует из того, что пользователь публичной службы одновременно и дает полноту легитимности этой деятельности, и выбирает руководителей. Во времена Третьей республики данная особенность красной нитью проходила во французском политическом и юридическом дискурсе, причем намного сильнее, чем в других странах. Публичная служба принадлежит всем, французскому народу в целом и неотделима от него, так как в принципе доступ к ней открыт любому потенциальному пользователю. Юридическим

последствием такого коллективистского представления стало то, что понятие пользователя публичной службы приобрело расширительное толкование в судебной практике в сфере административного права. Оно включает кандидата на пользование, неправомерного пользователя, косвенного пользователя, пользователя-посредника. Впрочем, все это накладывает на каждого гражданина особую гражданскую ответственность, поскольку, пользуясь благами публичной службы, он также должен помогать ее предоставлению, участвовать в ее изменении и контролировать ее.

Третья характеристика места публичной службы во французском административном праве заключается в том, что она является инструментом артикуляции между публичной деятельностью по предоставлению благ и частными экономическими игроками. Вопреки расхожему и слишком упрощенному мнению, во Франции публичная служба в качестве юридической формы ограничения такой деятельности всегда была связана с частными лицами. Известное «партнерство» между публичным и частным секторами как феномен, а не как поименованный договор имеет давнюю историю. Можно утверждать, что его правовые истоки восходили к периоду формирования государства (XIII—XIV вв.) и опирались на договоры концессионного типа, например в сфере налогообложения, пожаротушения, транспорта, культуры (опера). Позднее, в XIX в., все виды коммуникационных сетей (вода, газ, электричество, телефонная связь) были возведены во Франции силами частных лиц на основании делегирования промышленных и коммерческих публичных служб. Иногда они в дальнейшем возвращались под непосредственное управление государства по причинам, связанным с эффективностью, финансовыми трудностями. Но никогда не было ни намека на «развод» между публичным и частным партнерами, ни монополии на публичное вмешательство со стороны лиц публичного права, за исключением случая национализации.

Четвертое. Начиная со второй половины XX в. административный судья допускал, что представители частного права могут управлять административными публичными службами и в рамках этого формально издавать административные акты. Такое решение принято далеко не во всех государствах мира. Символично, и это чрезвычайно важно, что во Франции частным лицам также делегируются весьма

значимые prerogatives публичной власти. Сегодня для этого существует законодательное и поддержанное судебной практикой основание (Закон от 21 января 1993 г., постановление Государственного совета от 6 апреля 2007 г. *Commune d'Aix en Provence*), которое посредством делегирования управления публичной службой позволят обеспечивать ассоциацию между частным и публичным секторами. Иными словами, с самого начала она является одной из основных характеристик места публичной службы в административном праве и публичной деятельности.

Пятое, и последнее, замечание. Право, будучи юридическим измерением понятия публичной службы, не нужно переоценивать в том, что касается места и роли публичной службы в деятельности руководителей во Франции. Публичная служба по различным, в основном отнюдь не юридическим причинам занимает центральное место во французской политической жизни. Прежде всего, Франция — в монархический ли период или в постнаполеоновскую эпоху — была и есть централизованная страна. Импульс, исходящий от главы государства, имеет определяющее значение для служб, связанных с каждодневной жизнью граждан. В итоге публичная служба окружена ореолом некоторого могущества, легитимности, идущих «сверху». Юридическое понятие публичной службы, будучи функциональным, охватывает очень разные публичные службы: местные, национальные, административные, промышленные и коммерческие, предоставляющие блага или относящиеся к общей административной компетенции, с пользователями или без них. Этим и объясняется их повсеместное присутствие. Кроме того, в период 1946–1980 гг. считалось, что в результате национализации, спровоцированной Второй мировой войной, благодаря внезапному стечению обстоятельств, крупные публичные службы стали обеспечиваться в монопольном режиме, опирающемся на публичную собственность, за счет публичного финансирования и служащих. Это монолитное пространство, обязанное своим появлением особым обстоятельствам, заслонило весь горизонт в период «славного тридцатилетия» и начало ставиться под сомнение только в конце 1970-х гг. Но в нем нет необходимости для существования понятия и наличия в действительности публичной службы. Наконец, публичная служба служит еще и ключевым понятием, легитимизирующим дея-

тельность особых категорий функционеров, которые чрезвычайно влиятельны во Франции, образуют «корпуса» благодаря системе «высших школ». Еще со времен Старого режима, но главным образом благодаря меритократической системе республиканских корпусов на всем протяжении XIX и XX столетий, во Франции существуют «корпуса», состоящие из лиц, способных постичь предоставление публичной службы с технической стороны. В 1920–1930-х гг. влияние этих корпусов на государственное вмешательство было чрезвычайно сильным. В 1950-х гг. реконструкция была осуществлена благодаря корпусу инженеров. В этом случае монолитность публичной службы, в некотором роде гарантируемая монополией и публичным финансированием, позволила в полной мере развивать ряд научных исследований и технологий, которые обеспечили многим французским публичным службам действительно конкурентные преимущества в части их содержания. Помимо прочего, публичная служба доступна для всех и основана на принципе равенства, что позволяет всем без исключения пользователям получать блага очень хорошего качества за умеренную благодаря тарифному выравниванию цену.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не приходится удивляться, что публичная служба ввиду ее исторического и юридического веса, с ее глубокими социологическими и политическими детерминантами занимает во Франции центральное место не только в публичном праве, но и в публичных дебатах. Юридическое понятие публичной службы является не просто инструментом, позволяющим стабилизировать реализацию прав, которые граждане завоевали с течением времени, и принципов, призванных направлять решения руководителей в их

управлении социальным оптимумом. Однако за век французское общество сильно изменилось, как и уровень жизни, не говоря о мощи частных предприятий.

Как бы то ни было, важно помнить, какие концепции публичной службы были плодотворными, какие продвигали или могли продвинуть вперед одновременно и человека, и общество, и отличать их от тех, которые таковыми не были или не должны быть. Это позволяет избежать заблуждений и «ледниковых периодов». Публичная служба, применительно к конкретной ситуации, представляет собой идеал, деятельность, правовую рамку, фактор социальной взаимосвязи, обязательство для руководителей; но это не монополия по определению, цель сама по себе, орган или его глава, совокупность принадлежащих к корпорации функционеров.

Потребности всеобщего интереса в наши дни менее явно лежат на поверхности и становятся более сложными. И в один прекрасный день место публичной службы может измениться. Но роль ее останется, по существу, той же, какой она была на протяжении двух тысячелетий, и заключается она в том, чтобы развивать социальные взаимосвязи. До тех пор пока люди образуют общество, они желают того, чтобы публичная служба была местом реализации социальной взаимосвязи, а юридический инструмент публичной службы ее поддерживал и позволял ее добиваться. Как только индивиды посчитают, что могут действовать в одиночку, что они не чувствуют для себя необходимым из-за изоляции и слабости объединяться между собой для достижения целей более масштабных, чем они могли бы достичь сами, этот инструмент потеряет полезность. Впрочем, в таком случае я бы сказал: вообще, нужна ли такая жизнь?

Перевод Максима Сорокина